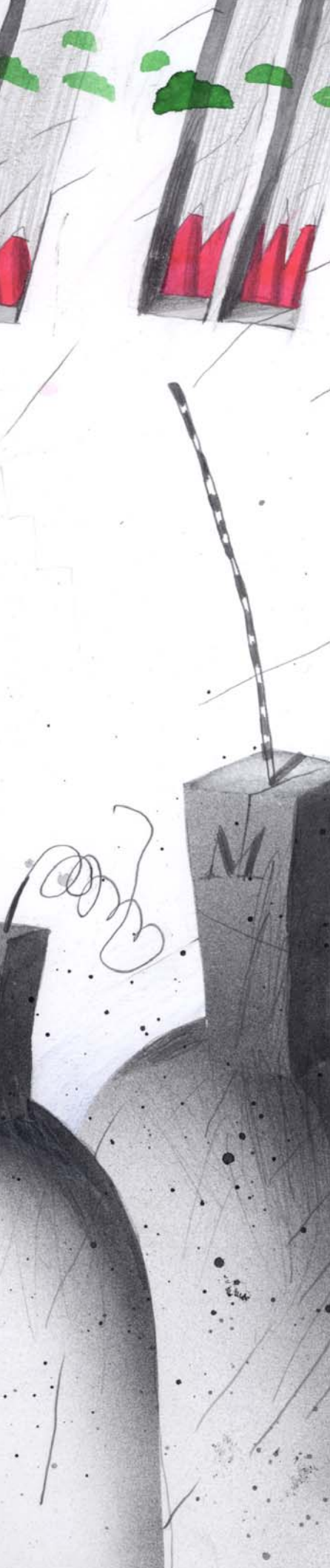
A stylized illustration of a stone city. In the foreground, a wide staircase with several steps leads upwards. The steps are rendered with dark outlines and some shading. To the right of the staircase, there are several rectangular stone buildings of varying heights. Some buildings have small, square windows with red interiors. One building has a small, striped flag or banner on top. The background is a light, textured surface with some green foliage at the top. The overall style is sketchy and artistic, using dark lines and shading to create depth and texture.

Сказки каменного бога

Художник Е. Силлина

Татьяна Томах

ФАНТАСТИКА

Праматерь Коза да благословит восходящего на престол Величайшего Ганн-аха, славного мудростью и смелостью!

Маленький суетливый служка, правая рука Главного певца, почтительно поклонился священной козе царского дома. И потихоньку дернул ее за шерсть под сияющими украшениями из камней-лал. Коза возмущенно мекнула, мотнула головой и тотчас потянулась к угощению в руках служки. Люди, столпившиеся у подножия царского камня, ахнули и зашептались. Благословила! Значит, будет удача новому правителю, много долгих лет и добрых камней...

Ор-ах, младший сын уходящего Величайшего, едва сдержался, чтобы не фыркнуть. Дурни! Они что — не видят?.. Ор-ах поморщился и нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Красное солнце стояло в зените, ослепительный край белого еще только выглядывал из-за горизонта. Но пыль мертвых камней уже раскалилась и обжигала ступни. Скорей бы перестал бубнить этот зануда Главный певец, да нырнуть бы в прохладу родного дворца, под низкий темный свод... Ор-ах закусил губу, нахмурился, обрывая непослушные мысли. Совсем забыл, дурак, что теперь дворец — не его дом.

Хорошо быть старшим сыном: дождешься срока, и все отцовское добро достанется — и дом, и коза, и хозяйство. Вон, Ганн-ах, дылда толстопузый, как жмурится довольно, праздничный передник поглаживает, на тонконогую красавицу Оль-ан косится. Небось теперь замуж возьмет: отсыплет в узкие ладошки горсть камней-лал из отцовской сокровищницы — и побежит счастливая Оль-ан в гарем наследника, гордясь оказанной честью... Еще лучше быть вторым сыном: если одобрит Главный певец, ослепят еще в младенчестве и со второго года жизни начнут учить песням камней. Это почетно, и спину ломать не нужно, мотыгой махать, раскаленную пыль глотать. Да и живут певцы куда дольше, чем прочие, — берегут их. Вон, Рон-ах, узкоплечий и тонкий, будто полоска жилистого мяса, досуха на солнце вывяленного, замер неподвижно рядом со старшим братом. И жара ему нипочем — не шелохнет-ся; только слепые веки вздрагивают, будто смотрит он сквозь них выжженными глазами. Смотрит — и видит поболее других, зрячих. Усмехается сочувственно краешком тонких губ своему младшему брату, Ор-аху. Мол, не повезло тебе, братец: третьим родился. Ну, терпи. Нет ничего хуже — третьим. Тут уж почти без разницы — сыном царя или последнего камнекопа...

— А младшему своему брату, Ор-аху, от щедрот своих, дарует Величайший Ганн-ах добрый выводок камней-янь. — Главный певец шевельнул рукой, и подскочивший служка тотчас подал крепко увязанный кожаный мешочек.

«Маленькие! — с разочарованием определил Ор-ах, с поклоном приняв дар и осторожно ощупывая камни сквозь толстую кожу. — Когда еще вырастут...»

— И полосу общинной земли из свободных на выбор.

Вот это уж от щедрот царских! Полоса земли-то каждому жителю полагается. Отделяешься от семьи — и бери себе любой надел из незанятых. Видно, о том же и люди внизу подумали — зашептались, стали переглядываться. Так ли уж щедр будущий правитель наш, Величайший Ганн-ах?

— А также, — возвысил голос Главный певец, — долю из царской сокровищницы.

Ор-ах затаил дыхание. Вот оно! Все-таки стыдно Ганн-аху ничем не оделить родного брата! Хорошо бы камней-лал хоть несколько горстей. Козленка можно купить. Или даже козу. Может, черноглазая Оль-ан тогда взглянет благосклонно не на пузатого узкоплечега Ганн-аха, а на его стройного младшего брата.

— Самую большую ценность царского дома и всего свободного народа — нашего великого мертвого Предка, каменного бога.

— Благодарю брата моего, щедрого Ганн-аха, — поклонившись, сквозь зубы выдавил Ор-ах. Ибо нельзя кричать. Нельзя обозвать Ганн-аха жадным мерзавцем, сыном облезлой козы. Нельзя отказаться от дара. Только что теперь делать с каменным болваном, сотни лет собиравшим пыль в дальнем углу царской сокровищницы?

Ганн-ах снисходительно кивнул, жмуря узкие глазки. Доволен. И брату честь оказал, и себя не обделил — ни одной козьей шерстинки, ни одного камня-лал не лишился.

К сокровищнице шли длинным левым коридором. На третьей развилке Ор-ах остановился. Буркнул:

— С отцом пойду попрощаюсь.

— Величайший Ганн-ах не позволял, — растерянно сказал ему вслед служка.

— Ну так и не запрещал же, — не оборачиваясь, бросил Ор-ах.

Еще вчера дворец был домом, а теперь, чтобы пройти по нему, нужно разрешение старшего брата. А чтобы увидеть отца — тоже необходимо дозволение?..

Тяжело дыша, Ор-ах быстро карабкался вверх, к келье Ожидающих камня. Злился. Недоумевал. Вроде все так, как должно быть. И он знал, что так будет. Тогда чего злиться?

Отец сидел возле окна — смотрел, как красное солнце сползает за горизонт. Ор-ах подошел, опустился на корточки возле его ног. Глаза отца были воспаленными, покрасневшими. Слишком долго смотрел на свет? Или плакал? Отец — плакал? Нет, не может быть.

— Жаль, что тебе нельзя говорить, — вздохнул Ор-ах. Тяжелая отцовская ладонь легла ему на макушку. — Знаю. Предок пришел из камня, и мы все должны вернуться в камень. А когда готовишься вернуться, нужно молчать. Знаю. И все равно — жаль. Ты говорил, самое главное — порядок. Мол, не будет порядка — люди перережут друг друга, как три цикла назад. Дикае камни взбесятся от многих жертв, козы будут плакать от голода, а урожай засохнет без ухода. И может, не останется того, кто продолжит род. — Ор-ах опять вздохнул. Ладонь отца взерошила ему волосы на затылке, потом пригладила. Мол, молодец, правильно запомнил. — Ты говорил, что хотел бы отдать власть мне, а не Ганн-аху. Потому что любишь меня. Но ты подчиняешься правилам, а значит, и я должен подчиняться.

Ладонь соскользнула с макушки, костлявые пальцы сжали плечо, подтолкнули. Ор-ах послушно поднялся, шагнул к выходу из кельи. Обернулся, вдруг поняв, что больше никогда не увидит отца — потом еще только один раз, мельком, на празднике лал. Отец напряженно смотрел на него, часто моргал покрасневшими глазами, шевелил губами, будто хотел нарушить правила и заговорить. «Я тоже люблю тебя, — хотел сказать Ор-ах. И еще: — Я не хочу отдавать тебя камням». Но вместо этого спросил, с вызовом, горько кривя непослушные губы:

— Что, любить — значит подчиняться?

И помедлил, прежде чем отвернуться, — будто ждал, что отец все-таки нарушит правила и ответит.

Оль-ан сидела в саду ручных камней-ор. Полупрозрачные ветви взрослых ор иногда шевелились. Их свет сияющими разноцветными пятнами бродил по темному по-

толку и стенам; вспыхивал на длинных блестящих волосах и светлой коже Оль-ан. Браслет из лал на тонком запястье ронял кровавые блики, пятнал нежный свет ор. Оль-ан будто плавала среди звезд в черном небе безлунной ночи.

Ор-ах остановился напротив входа в сад. Прислонил каменного бога к стене, утер пот со лба — отдыхаю, мол. Служка молча замер в двух шагах позади — назойливой тенью.

Оль-ан обернулась, улыбаясь в ответ на восхищенный взгляд.

— Зачем ты носишь на руках каменного человека, Ор-ах? Возьми лучше в дом живую жену.

— Это не человек, глупая женщина, — с достоинством ответил он. — Это бог.

— А зачем тебе бог, Ор-ах? Чем он лучше живой жены?

Ор-ах смотрел в насмешливые черные глаза Оль-ан. Мучился. Еле сдерживался, чтобы не сказать: «Не нужен мне никто, Оль-ан, кроме тебя. Если бы ты согласилась...»

— Бог нужен, чтобы помогать.

— Ну да? — удивилась Оль-ан. — Бог нужен, чтобы приносить ему жертвы.

— Ну... — Ор-ах задумался: — Для этого, наверное, тоже. Я помажу ему губы молоком, и он оживет — как ожил наш каменный предок, когда его накормила Праматерь Коза. Предки умели больше, чем мы. Сейчас даже горшечник Мал-ах не умеет делать таких странных штук, которые остались от предков. Бог оживет и станет мне помогать. Я соберу много камней-лал. Я не жадный, как брат. Я подарю тебе не браслет, а ожерелье. Ты примешь мой подарок?

Оль-ан вдруг очутилась совсем рядом, взглянула снизу вверх блестящими насмешливыми глазами; тонкие пальцы, тронувшие грудь Ор-аха, обожгли кожу, заставили задрожать.

— Да, я приму твоё ожерелье, Ор-ах, — отозвалась красавица, блеснув влажными зубами.

Ор-ах с трудом заставил себя отвести взгляд. Перевел дыхание и рывком подхватил на руки каменного болвана — показалось, что тот стал намного легче.

— Эй!

Ор-ах обернулся. Оль-ан стояла на пороге сада; за ее спиной переливались и вспыхивали цветные огни.

— А ты не боишься, Ор-ах... не боишься, что, когда ты оживишь своего бога, он скажет тебе не то, что ты хотел бы услышать? Вместо того чтобы помочь, заставит тебя делать то, что нужно ему?

Ор-ах поставил каменного бога посреди своего нового участка. Мертвому камню солнце нипочем — кожа не заболит, не вспухнет волдырями. Пусть себе стоит — куда его еще?

Грядка для вывода маленьких камней-янь получилась правильная, рыхлая. Хорошо: чем быстрее приживутся, тем быстрее вырастут и станут плодиться. Будет новая еда... Мотыга быстро натерла ладони, непривычные к долгой работе, Ор-ах запарился, красные пятна бродили под веками. Лучше быть третьим сыном не царя, а камнекопа: тому мотыга и солнцепек привычны с детства.

Ночь была теплой и безветренной, как всегда перед кочевым месяцем. Ор-ах уснул на закате белого солнца рядом с грядкой, нашептывая колыбельную посаженным

камням-янь. А проснулся, когда вторая луна уже докатилась до середины неба. Его разбудили странные звуки. Потрескивание и скрежет, будто мертвые камни терлись друг о друга. Приподнявшись, Ор-ах замер от удивления и ужаса — открыл рот, собираясь закричать, но так и не произнес ни звука. В ярком свете второй луны над новой грядкой поднимался, распрямляясь, оживший Каменный бог, и его синие глаза сияли ярче белого солнца.

— Ой-ей, Праматерь Коза! — охнул Ор-ах, сползая к ногам Каменного бога. Зажмурился, застыл. Даже дышать перестал. Может, не заметит?

— Я не Праматерь, — сипло и сердито сказал бог, — и не коза.

— Прости меня, Каменный бог! Прости, неразумного! Не растопчи живо! Дозволь молвить.

— Ну, молви, — с натугой проскрипел бог.

Ор-ах перевел дыхание. Приоткрыл глаз, осторожно покосился на бога. Бог смотрел строго, но вроде не сердито. Ярко-синие глаза сияли ярко и безмятежно.

— Что велишь мне сделать, великий предок?

— Кх-кх, — прокашлялся бог. И отчеканил: — Не понял. Прошу более четких указаний.

— Врешь, — убежденно сказал Ор-ах. — Врешь. — Помолчал, исподлобья разглядывая бога. И велел: — Повтори.

— Модель РРГЭ двести пятьдесят. Электронный справочник и подсобный рабочий с набором сменных манипуляторов и возможностью замены эмоционально-личностной матрицы.

— Что значит — справочник?

— Это значит, что в моей памяти хранится большая энциклопедия плюс дополнительная подробная информация по некоторым областям. В данный момент — по выращиванию орхидей, ремонту двигателей малых космических кораблей марки «Робинзон» и по английской литературе. Информацию можно заменять и дополнять с помощью различных типов носителей. Перечислить?

— Не надо, — торопливо отмахнулся Ор-ах, увязнув в обилии незнакомых слов. Помолчал. Уточнил разочарованно: — Значит, ты не Каменный бог? Значит, ты ничего не знаешь о нашем Предке, первом человеке и Праматери Козе?

— Знаю, — вроде даже обиделся бог. — Во-первых, я не каменный. Если судить по составу моих элементов, я скорее металлический. А во-вторых, я знаю о происхождении человека, а также современных видов растений и животных. О разведении и породах коз. А также могу предложить мифы и легенды народов мира о Богине-матери.

— А как приручать и разводить камни-янь? Как определить время прихода кочующих камней-го? Как охотятся на камни-лал? Ну, песен охотников ты уж точно не знаешь.

— Эта информация мне неизвестна, — согласился бог. — Но если я получу ее, то сохраню в своей памяти, и тогда...

— Это не информация, — перебил Ор-ах. — Это то, что должен знать каждый человек, чтобы не отправиться к камням раньше положенного времени. — Помолчал немного и заключил огорченно: — Все-таки ты не бог, раз ничего не знаешь.

ФАНТАСТИКА

На ожившего Каменного бога пришли посмотреть почти все жители свободного города. Разглядывали его со всех сторон, ощупывали руки и ноги, удивлялись, что он так и не стал мягким, когда ожил, — как живые камни-янь и как Предок, который тоже сначала был каменным, пока Праматерь Коза не напоила его своим молоком. Ор-ах устал объяснять, что это не Предок и не каменный бог, а просто каменный человек, только немного странный. Он глупый, ничего не знает и не умеет — даже пятилетний ребенок умнее его. Зато он может придумывать сказки, вроде тех, что иногда рассказывают Певцы, когда отдыхают от тренировок и охоты. Это умение, конечно, бесполезное, но забавное.

Например, он придумал странный мир, где камни всегда твердые и не умеют двигаться, и людям нет нужды прятаться от бродячих камней и приносить им жертвы. А еще в том мире полным-полно мягких и шерстяных живых, кроме козы и человека. И самая нелепость — им всем хватает воды для питья. Хотя откуда бы взяться живой воде, если нет камней-лал?

Горшечник Мал-ах предложил хромого козленка в обмен на каменного человека. Мол, пусть он и глупый, но смешной — дети будут радоваться, сказки слушать. Ор-ах, подумав, отказался. Вот если бы взрослую козу, тогда да. А от козленка когда еще молоко будет, сколько еще камней-янь на него изведешь, чтобы вырастить! Мал-ах помялся и предложил вдобавок еще и горшок из мертвого камня красивого желтого цвета. Мол, целый месяц делал, большая работа. Ор-ах опять отказался. Ему вдруг пришло в голову: а не научить ли каменного человека самого делать горшки?

— Вот так. Рыли здесь хорошенько. Потом их надо перевернуть по одному, чтобы на солнце не перегрелись. Остороженько... А то рук бояться будут — приручать заново придется.

Каменный человек учился охотно и быстро. Через пару дней он уже знал о выращивании камней-янь не меньше Ор-аха. Довольно было сказать один раз, чтобы каменный человек запомнил, а потом повторил все без ошибки сколько угодно раз. Получалось, не такой уж он и глупый — глуп скорее Ганн-ах, отдавший младшему брату такую ценную вещь. И глупы были прежние цари, хранившие каменного человека в самом темном углу сокровищницы. А всего-то и надо — погреть его немного на белом солнце, чтобы он зарядил какие-то батареи и ожил.

По вечерам каменный человек рассказывал Ор-аху свои сказки; послушать приходили и соседи, приносили угощение, как Певцу: кто-то плошку молока, кто-то кусочек сыра. Раз принесли целый камень-янь — мягкий, зрелый, вкусный.

Одна сказка особенно увлекла Ор-аха — он так и не уснул, просил каменного человека рассказать все до конца.

Мы разделили край наш на три части.

Ярмо забот мы с наших дряхлых плеч

Хотим переложить на молодые, —

начал каменный человек срывающимся усталым голосом.

Ор-ах вздрогнул: показалось, это говорит отец. А потом понял, что каменный человек просто изображает старика. «Совсем как про нас, — подумал Ор-ах. — Только отец не делил наш край на три части, а все отдал Ганн-аху».

Вой, вихрь, всюю! Жги, молния! Лей, ливень!

И вас не упрекаю в бессердечье.

Я царств вам не дарил, не звал детьми...

Наверное, именно таким был бы голос у отца, отчаявшийся и горький, если бы он решил заговорить тогда, в келье Ожидających камня. Только в той сказке дети выгнали из дома своего отца, Лира, и это было против тамошних правил; а Ор-ах и его братья все сделали по правилам. Значит — правильно?

На вопрос, какими голосами он говорил во время своей сказки, каменный человек ответил по обыкновению путанно и непонятно:

— Первый — голос Ланграфа Ди, он лучше всех играл короля Лира в Большом международном театре. А Корделия — это...

— Ладно, ладно! — замахал руками Ор-ах. — Не важно.

— Задумался, потом спросил: — А скажи, каменный человек, ты можешь запомнить, а потом сказать любые слова с любым голосом и быстротой?

— Да. Достаточно одного раза.

— А песню?

— Даже симфонию в исполнении оркестра.

— Вот и хорошо, — обрадовался Ор-ах, хотя так и не понял, что такое оркестр и симфония. Но переспрашивать не решился, чтобы не выслушивать еще несколько длинных и непонятных объяснений, где столько новых незнакомых слов.

— Приветствую брата моего, Рон-аха. Вот, я узнал, что ты хотел послушать моего каменного человека. Я привел его.

— Здравствуй, Ор-ах.. Мне приятно, что мои желания так быстро исполняются.

Рон-ах улыбнулся и замолчал, будто разглядывая брата сквозь кожу слепых век. Ждал продолжения. Чувал еще произнесенные слова, вертевшиеся у Ор-аха на языке.

— Каменный человек расскажет тебе любую сказку, какую ты захочешь. — Рон-ах по-прежнему молча чуть клонил голову. — Но взамен, — Ор-ах запнулся, робея под взглядом несуществующих глаз, — взамен спой, пожалуйста, песню охоты на камни-лал. По-настоящему. Так, как ты бы пел ее на охоте.

— Величайший Ганн-ах рад видеть своего брата, — кланяясь, сообщил служка. — Ор-ах пришел поучаствовать в охоте?

— Это ведь не запрещено? — пожал плечами Ор-ах, оглядываясь. Охотников за камнями-лал собралось около дюжины — все волновались, переминались с ноги на ногу, переглядывались. Ганн-ах смотрел со своего трона с ленивым любопытством. Оль-ан, сидевшая от него по правую руку, улыбнулась Ор-аху тонко и многообещающе, поигрывая браслетом из пурпурно-сияющих лал.

— Любой горожанин может участвовать в охоте, — громко сказал служка, — только каждый второй из добытых камней-лал принадлежит Величайшему. А каменный человек тоже пришел с Ор-ахом?

— Каменный человек не будет охотиться.

— Это хорошо, — кивнул служка. — Величайший опасался, что каменный человек может испугать дикие камни и испортить охоту...

Отец исхудал, будто его не кормили все эти дни. Моргал, шурился на яркий свет, растерянно оглядывался. Когда трое молодых служек принялись медленно опускать его на длинных ремнях с городской стены, столкнулся взглядом с Ор-ахом — и тотчас отвел глаза. Будто не узнал.

Главный певец начал первую песню, остальные певцы подхватили — сначала еле слышно, будто теплый ветер запутался в козьей шерсти, потом громче и стройнее. Двое бродячих камней, задремавшие возле самой стены, лениво зашевелились. Остальные камни толкались тесной стаей чуть подальше и пока не обращали внимания ни на песню, ни на предложенного им старика. Первая песня должна была только разбудить камни и позвать их ближе; но основное — дать возможность Главному певцу вслушаться в хор, исключить неловких, поправить фальшивящих. Потом, когда камни уже разорвут свою жертву и станут возбужденно кружиться, сталкиваясь боками и рассыпая огненные искры новорожденных камней-лал, настанет время песни охоты. Тогда малейшая запинка или неровный вдох одного из певцов — и собьется песня, сдерживающая бродячие камни, и они кинутся на одного из охотников, собирающих горячие камни-лал.

Ор-ах дождался, пока служки отойдут от края стены; глубоко вздохнул, забывшись, сжал локоть каменного человека, велея ему: «Пой!» И уже шагая со стены вниз, к серым шевелящимся спинам камней, крикнул еще раз: «Пой!»

Каменный человек запел. Мерный ритм песни охоты сломал просыпающуюся мелодию первой песни. Камни, шатнувшиеся к Ор-аху, недоуменно замерли. Главный певец запнулся, но сейчас же снова подхватил мотив, убыстряя темп. Камни зашевелились. Ор-ах увернулся от левого, огромного, кривобокого, метнулся в сторону. Проскочил перед первым, самым быстрым из приближающейся стаей.

— Отец! — срывая голос, закричал он.

Старик, безвольно лежавший возле городской стены, зашевелился. Поднялся с трудом, опираясь на стену. Камень-вожак врезался в нее рядом с ним.

Ор-ах оттолкнулся от раскаленного бока следующего камня, прыгнул, приземлился на четвереньки и в последний миг успел подхватить на руки падающего старика.

Наверху, на плечах каменного человека повисли двое служек, пытаясь не то заставить его замолчать, не то столкнуть со стены.

— Руку! — крикнул ему Ор-ах. Увернулся от кривобокого гиганта и, мимоходом опершись на его спину и на руку каменного человека, взлетел вверх.

Прихватив локоть Главного певца, служка горячо бормотал ему в ухо.

— Ты огорчил нас, Ор-ах, — хмуря брови, громко сказал певец. — Теперь бродячие камни рассердятся, уйдут и в этом сезоне у нас не будет новых камней-лал.

— Что ты наделал, что наделал! — причитал Ганн-ах, торопясь навстречу. — Теперь не будет лал, не будет на-питка жизни.

— Напитка из крови наших отцов, — буркнул Ор-ах. Он отодвинул плечом Ганн-аха, скользнув рассеянным взглядом по лицу притихшей Оль-ан. Ноша казалась странно легкой: было страшно, что бледные тонкие веки больше никогда не поднимутся и будет некому сказать: «Я тоже люблю тебя, отец» и еще: «Я не отдам тебя камням, никогда». — Дайте мне молока, — попросил Ор-ах, озираясь и почему-то почти не различая лиц вокруг, — или воды.

Плошка с водой и открытая фляга с молоком появились почти одновременно; Ор-ах потянулся к фляге и узнал руку, державшую ее. И ему опять показалось, что брат Рон-ах видит его своими выжженными глазами, а улыбка на губах Рон-аха, в свою очередь, видна только его младшему брату.

Глотнув молока, отец открыл глаза.

— Живой, — пробормотал он, трогая дрожащими пальцами плечо Ор-аха.

— Живой, живой, — довольно улыбаясь, подтвердил Ор-ах. А потом, разглядев выражение глаз отца, понял, что тот говорит не про себя, а про него, Ор-аха. Живой...

Когда на свежевзрыхленной грядке задремали камни-янь, убаюканные колыбельной, отец тоже уснул на новой постели из козьей шерсти, улыбаясь и держа за руку Ор-аха. Одеяло и еще одну флягу с молоком принес младший служка. А на закате белого солнца пришел сам Рон-ах. Отпустил мальчика-поводыря, осторожно присел на мертвый плоский камень. Запрокинул лицо к небу, помолчал немного, улыбаясь, будто следил сквозь слепые веки за вспыхивающими в темной синеве звездами. Ор-ах напряженно ждал. Он не сожалел о сделанном, но теперь, осознав меру своего преступления против правил, ждал неминуемой кары.

— Я уговорил певцов не трогать вас, — наконец сказал Рон-ах.

— Спасибо! — обрадовался Ор-ах.

— Это ведь и мой отец тоже, — мягко, но будто укоризненно перебил его брат. Зеленоватый свет первой луны бродил по его лицу, обращенному к небу. — Знаешь, зачем ослепляют мальчиков, которые должны стать певцами? — вдруг спросил он. И, не дождавшись ответа, вздохнул: — Человек — странное существо. Ему дано так много, а он не умеет выбирать. Дети и взрослые тратят время и силы на бестолковую беготню, игры, рисунки в каменной пыли, которые тотчас стирает ветер. Говорят, каменный Предок был мертв, пока Праматерь Коза не напоила его молоком. Он ожил не сразу — сначала научился дышать, потом слушать, а потом говорить и смотреть. Может, это придумали певцы, чтобы объяснить, зачем младенцам выжигают глаза?

— Зачем, брат Рон-ах? — робко спросил Ор-ах, почти ничего не поняв из путаных слов брата. Но в самом вопросе ему почудился что-то незнакомое: странно спрашивать о том, что никогда не подвергалось сомнению; странно задавать вопрос, на который не дождешься иного ответа, кроме бестолкового «потому что так должно быть». И Ор-ах повторил, уже с удовольствием: — Зачем?

ФАНТАСТИКА

— Затем, чтобы лишить их выбора, брат Ор-ах.

Ор-ах задумался. Получается, брат не так уж и счастлив? Вот младший сын самого непутевого камнекопа может выбирать по своему желанию: закрыть глаза или открыть, посмотреть на пыль у своих грязных ног или на небо. А брат Рон-ах — не может. Но так ли это важно, выбирать, куда смотреть?.. Ор-ах крепко зажмурился и попробовал представить, каково это — всю жизнь смотреть в черноту. Не видеть разноцветных закатов и рассветов, светлого лица Оль-ан, огненных плясок внутри камней-лал; не видеть, куда ступаешь, доверяя каждый шаг вертлявому плечу мальчика-поводыря.

— Ой-ей, брат Рон-ах, плохо, когда нельзя выбирать.

— Считается, что только слепой мальчик, которого не отвлекают бестолковые игры и созерцание мира, может научиться хорошо слушать камни и говорить с ними. Но тогда зачем, брат мой Ор-ах, зачем оживал наш мертвый Предок?! Чтобы мы, его потомки, ослепили сами себя — и сделали шаг обратно, к мертвому камню, вместо того, чтобы быть живыми?

— Отец сказал, что я живой, — неуверенно возразил Ор-ах, испуганный волнением брата.

— Ты живой! Ты — живой, да! — Левая рука Рон-аха вцепилась в плечо брата, больно сжала, а правая приблизилась к лицу, кончики пальцев легко тронули лоб, скользнули по щекам. — Я рад, что ты сегодня выбрал быть живым, брат. — Рон-ах вздохнул, отвел руки: — Певцы хотели убить твоего каменного бога. Я не позволю. Это как еще раз ослепить самим себя. Певцы боятся, что он научит всех, как быть живыми. Так, как научил тебя.

— Он не каменный, а металлический, — задумчиво поправил Ор-ах, пытаясь понять, что не так в словах брата. — И он не бог.

— Не важно, — нетерпеливо шевельнул ладонью Рон-ах. — Важно... важно, почему каменный человек учит нас, как быть живыми?

— Он не учит, — торопливо перебил его Ор-ах, широко улыбаясь, потому что почувствовал себя счастливым: наконец он понял совершенно все, даже странные слова брата. — Он не учит, брат Рон-ах. Он просто рассказывает сказки. А мы выбираем, верить нам в них или нет.

